

На правах рукописи

Рупышева Людмила Эрдэмовна

ФЛОРОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (бурятский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2014

Работа выполнена на кафедре иностранных языков и общей лингвистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств»

Научный руководитель: **Цыренов Бабасан Доржиевич,**
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО
РАН

Официальные оппоненты: **Санжеева Лариса Цырендоржиевна,**
доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской
филологии ФГБОУ ВПО Бурятского государственного университета
Семенова Виктория Ильинична, кандидат филологических наук,
доцент, заведующая кафедрой бурятской филологии ФГБОУ ВПО
Иркутского государственного университета

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО Калмыцкий государственный университет

Защита диссертации состоится «29» мая 2014 года в 15.00 часов на заседании диссертационного Совета Д 002.006.01 при Институте языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е.М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С совершенствованием информационных и коммуникационных технологий, ростом международного общения, всемирной культурной интеграцией и унификацией все острее ощущаются процессы глобализации. Они чаще всего приводят к замене, а порой и к исчезновению самобытных культур и языков многих народов. Особенно остро эти процессы проявляются в России, где после многих десятилетий влияния концепции наднациональной советской культуры, развитие традиционных культур и языков находилось в состоянии стагнации, а всякие попытки их возрождения не приветствовались.

В настоящее время государство проводит политику, направленную на становление и функционирование национальной культуры, важное место в которой занимает концепция развития языка. Вследствие этого появилась необходимость в построении терминосистем и определении их возможностей. Хорошо развитая и системно упорядоченная терминология отражает наиболее прогрессивную систему понятий и способствует дальнейшему развитию науки. Обращение к комплексному описанию тематических пластов лексики является необходимым и оправданным.

Объект исследования – флоронимы бурятского языка.

Предмет исследования – особенности организации флоронимической лексики бурятского языка.

Цель работы – изучение флоронимической лексики бурятского языка.

Задачи исследования:

- выявление наиболее полного количественного состава наименований растений и грибов и их систематизация;
- определение основных типов прямой номинации, когнитивных моделей переносных значений наименований растений и грибов; выявление случаев семантических изменений;

– установление наиболее типичных структурно-словообразовательных моделей наименований растений и грибов.

Научная новизна исследования. В работе на богатом фактическом материале проведена лексико-семантическая классификация названий растений и грибов, рассмотрены основные пути обогащения флоронимической лексики. Новизна работы заключается также в выявлении типов прямой номинации и представлении когнитивных моделей образования переносных значений (метафорические, метонимические, метафтонимические) с целью установления их степени продуктивности и роли в дальнейшем формировании терминосистемы флоронимической лексики.

Методы исследования. В работе применена комплексная лингвистическая методика [Степанов 1975; Методологические... 1988; Глисон 2002] с использованием приемов лингвостатистики, необходимых для выяснения степени представленности определенных групп лексики наименований растений и грибов.

Научно-методическую основу работы составляют следующие методы: описательный, сопоставительно-типологический, сравнительно-исторический, структурно-морфологический, компонентного анализа и комплексного концептуально-семантического анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования заложили труды зарубежных, отечественных исследователей по лингвистической типологии, лексической и общей семантике, словообразованию и теории номинации Т. Д. Барышниковой, Н. Н. Болдырева, М. Джонсона, Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, З. И. Резановой, Н. В. Руновой, О. П. Рябко, В. Н. Телия, Р. Д. Сетарова. Важное место занимают исследования лингвистов, посвященные вопросам монголоведения, описательной и исторической монголоязычной лексикологии: Т. А. Бертагаева, Л. Болда, Ц. Б. Будаева, У.-Ж. Ш. Дондукова, А. Лувсандэндэва, В. И. Рассадина, Ц. Б. Цыдендамбаева, Л. Д. Шагдарова.

Материалы исследования. Материал для исследования получен методом сплошной выборки из 9 словарей: Бурят-монгольско-русского словаря [Черемисов 1951], Русско-бурят-монгольского словаря [1954], Бурятско-русского словаря [Черемисов 1973], Русско-бурятского толкового словаря по природоведению [Борсоев и др. 1992], Словаря русско-бурятско-монгольских названий растений [Будаев 2002], Бурятско-русского и русско-бурятского словаря [Бабушкин 2004], Русско-латинско-бурятского словаря названий растений и животных [Цыренов, Рупышева 2005], Бурятско-русского словаря [Шагдаров, Черемисов 2006; 2008].

Общий объем собранного материала составляет 640 номинативных единиц.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в целенаправленное исследование различных лексико-семантических групп и отраслевых терминологических систем бурятского языка, в частности, до сих пор недостаточно изученной части – наименований растений и грибов. Работа дополняет общую картину функционирования и тенденции развития флоронимической лексики, определяя ее место и роль в обогащении лексической системы современного бурятского литературного языка.

Практическая значимость. Результаты исследования будут использованы при составлении словарей, учебников, пособий. Полученные материалы могут быть использованы в преподавании бурятского языка, при чтении теоретических курсов по лексикологии, истории бурятского языка, диалектологии, а также в лексикографической практике. Лексика, относящаяся к наименованиям растений и грибов, представляет интерес не только для лингвистов, но и биологов, историков, этнографов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обыденно-когнитивная ботаническая номенклатура является частью ботанической терминосистемы.

2. Наименования растений и грибов образуют внутренне иерархичную систему. Организация системных отношений, объединяющая лексику названий растений и грибов, обеспечивает создание гибких гипогиперонимических связей между ядерными и периферийными компонентами значений.

3. Названия растений и грибов бурятского языка отражают контакты, относящиеся к довольно длительному периоду общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Заимствования из русского языка представляют собой довольно большой пласт лексики, обусловленный социально-историческими процессами. Проникновение тибетских, санскритских, персидских заимствований связано с развитием буддизма, торговли, тибетской медицины. В целом, доля заимствований невелика, проникая в лексический состав бурятского языка, заимствования представляют определенный словообразовательный потенциал.

4. Самым продуктивным типом морфологического словообразования является прямая деривация, представленная суффиксацией. Суффиксальные образования составляют весомую часть флоронимов бурятского языка, причем значительное большинство – отыменные дериваты. В сложных наименованиях преобладают в основном двухкомпонентные цельнооформленные композиты, представляющие целостные лексические единицы.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в публикациях и апробированы в виде докладов на международной конференции «Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания» (Улан-Удэ, 2005 г.); на Всероссийской конференции с международным участием «Диалог культур в местных сообществах в условиях трансформации российской государственности» (Улан-Удэ, 11-13 сентября 2012 г.).

По теме диссертации опубликовано 8 работ, в числе которых 3 статьи в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ, а также лексикографическое издание (в соавторстве).

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и сокращений, а также приложения, включающего в себя указатель названий растений и грибов бурятского языка. Общий объем работы 158 страниц. Библиографический указатель содержит 232 источника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, формулируются цель и задачи, определяются объект и предмет исследования, сообщается о методологической основе и основных методах исследования, отмечается научная новизна и практическая значимость работы, даются сведения об апробации ее основных положений.

Глава 1. «Особенности системной организации флоронимической лексики».

В параграфе **1.1. «Обзор литературы по проблеме изучения флоронимической лексики»** приводится анализ работ, посвященных изучению наименований растений и грибов.

1.2. «Определение основных терминологических понятий».

Вопросы объема значения терминов (*фитонимика, фитонимическая лексика, фитолексика, фитоним, фитонимическая единица, фитотермин, фитонаименование, флороним*) в ботанической терминологической системе различных языков до настоящего времени остаются дискуссионными.

Мы считаем целесообразным выбор термина *флороним* в качестве базового. Под *флоронимом* мы понимаем – наименование дерева, кустарника, травы, гриба, мха, злаковой, овощной, фруктово-ягодной, декоративной садовой, технической культуры, ее родо-видовой разновидности, сорта, плода.

1.3. Особенности системной организации родо-видовой группы «Названия дикорастущих растений и грибов».

Родо-видовая группа «Названия дикорастущих растений и грибов» представлена 467 бурятскими наименованиями, где родо-видовые подгруппы «Названия деревьев» представляют 53 (11,4%) наименования; «Названия кустарников, кустарничков и полукустарничков» – 88 (18,8%); «Названия травянистых растений» – 297 (63,6%); «Названия грибов и мохообразных» – 29 (6,2%).

Родо-видовые подподгруппы состоят из 197 бурятских наименований. «Названия чужеземных растений» – 39 (19,8%); «Названия лекарственных растений» – 102 (51,8%); «Названия каучуконосных растений» – 3 (1,5%); «Названия дубильных растений» – 15 (7,6%); «Названия красильных растений» – 18 (9,1%); «Названия водных растений» – 20 (10,2%).

По удельному весу значительное место занимают наименования травянистых и лекарственных растений, кустарников, кустарничков, полукустарничков, деревьев. Небольшое число названий относятся к водным, красильным растениям, грибам и мхам. Каучуконосные, дубильные растения представлены лишь несколькими наименованиями.

Родо-видовая подгруппа «Названия грибов и мохообразных» имеют более упрощенную структуру.

1.4. Особенности системной организации родо-видовой группы «Названия культурных растений».

Родо-видовая группа «Названия культурных растений» состоит из 173 бурятских наименований, где родо-видовые подгруппы «Названия культурных деревьев» представлены 20 наименованиями (11,6%); «Названия культурных кустарников, кустарничков и полукустарничков» – 20 (11,6%); «Названия культурных травянистых растений» – 133 (76,8%).

Родо-видовые подподгруппы состоят из 215 бурятских наименований, и составляют злаковые культуры – 31 (14,4%); овощные культуры – 49 (22,8%); фруктово-ягодные культуры – 37 (17,2%); декоративные садовые

растения – 29 (13,5%); технические культуры (масличные, эфирно-масличные, прядильные, крахмалоносные, сахароносные) – 69 (32,1%).

Проведённое исследование флоронимической лексики бурятского языка показало, что слова в ней связаны различными парадигматическими отношениями. Особенности отношений, в которые вступают наименования растений, определяются не только характером их соотнесенности с внеязыковой действительностью, но и свойствами самого языка, что и позволило квалифицировать названную выше группу как лексико-семантическую.

На основе выше изложенных теоретических построений мы предлагаем следующую систему наименований растений и грибов (табл. 1)

Таблица 1

Система наименований растений и грибов

<i>Родовая группа</i>	Названия растений и грибов	
<i>Родо-видовая группа</i>	Названия дикорастущих растений и грибов	Названия культурных растений
<i>Родо-видовая подгруппа</i>	Названия дикорастущих: деревьев, кустарников, кустарничков, полукустарничков, травянистых растений, грибов и мхов	Названия культурных: деревьев, кустарников, кустарничков, полукустарничков, травянистых растений
<i>Родо-видовая подподгруппа</i>	Названия дикорастущих растений: чужеземных, лекарственных, каучуконосных, дубильных, красильных, водных	Названия культурных растений: злаковых, масличных, эфирно-масличных, прядильных, крахмалоносных, сахароносных, овощных, фруктово-ягодных, декоративных садовых

Родовая группа. Один общий гипероним «*Названия растений и грибов*» является родовым по отношению к другим названиям растений.

Родо-видовая группа. Гипонимами являются две родо-видовые группы высшего уровня гипо-гиперонимических групп – «*Названия дикорастущих растений и грибов*» и «*Названия культурных растений*», между компонентами которых наблюдаются более тесные смысловые отношения. С одной стороны, они выступают, как самостоятельные общности и противопоставлены друг другу по признаку «Дикорастущие растения и грибы», «Культурные растения». С другой стороны, они взаимозависимы и связаны на более высоком уровне языковой абстракции под общим семантическим “знаменателем” «растение и грибы».

Родо-видовая подгруппа. В процессе анализа было выявлено несколько подгрупп в каждой из названных родо-видовых групп, с одной стороны, самостоятельные, с другой, противопоставленные друг другу по дополнительному признаку «габитус (жизненная форма)». Поэтому наименования дикорастущих растений и грибов распределены в родо-видовые подгруппы: *деревья; кустарники, кустарнички и полукустарнички; травянистые, грибы и мхи*. Наименования культурных растений объединены в родо-видовые подгруппы: *деревья; кустарники, кустарнички и полукустарнички; травянистые*.

Родо-видовая подподгруппа. Внутри каждой подгруппы могут создаваться группы более мелкого класса, между компонентами которых наблюдаются наиболее тесные смысловые отношения. На основе выделения дополнительных признаков (функциональные, топографические и др.) вычленяются родо-видовые подподгруппы, характеризующиеся иерархическим построением. Наименования дикорастущих растений входят в родо-видовые подподгруппы: *чужеземные, лекарственные, каучуконосные, дубильные, красильные, водные растения*. Наименования культурных растений включены по специфическим свойствам в родо-видовые подподгруппы: *злаковые, масличные, эфирно-масличные, прядильные,*

крахмалосодержащие, сахаросодержащие, овощные, фруктово-ягодные, декоративные садовые.

Глава 2. «Номинативно-мотивационная и словообразовательная характеристика флоронимов».

2.1. Влияние основных видов деятельности человека на формирование флоронимической лексики. В параграфе обосновывается существенное влияние основных видов деятельности бурят, таких как собирательство, скотоводство и земледелие на формирование флоронимической лексики.

2.2. Номинация. Наименования растений и грибов как единицы номинации. Названия объектов растительного мира образованы различными способами: на основе прямого восприятия денотативного признака; метафоры, т.е. путем сравнения с предметами и явлениями окружающей действительности; синекдохи – количественные отношения; метонимии – пространственные и временные отношения, отношения между частью и целым; метафтонимии.

Прямая мотивированность названий растений и грибов основана на логических мотивационных моделях, опирающихся на внешний вид растений, место, время и способ произрастания, особенности жизнедеятельности людей и применения растений. В соответствии с этим, следуя методологическим подходам Р. Д. Сетарова [2000], мы выделили 5 типов прямой мотивации названий растений и грибов: 1) соматический (внешний вид, строение, цвет, указание на количество частей растения, размер); 2) топонимический (место произрастания); 3) этологический (способ произрастания и специфическое воздействие на органы чувств); 4) функциональный (применение растений в лечебных целях, в пищевом рационе, практически значимые свойства растений); 5) темпоральный (временные характеристики растения) (Рис.2).

В результате предложенной выше типологии нами выявлены следующие особенности и установлено количественное распределение флоронимов:

1. 84 флоронима (49%) получили названия, отражающие различные аспекты морфологии растений, окраски, указание на количество частей, размер растения. Удельный вес этих названий значителен, что говорит о первоначальной форме объективации нового знания на основе соматической мотивации.

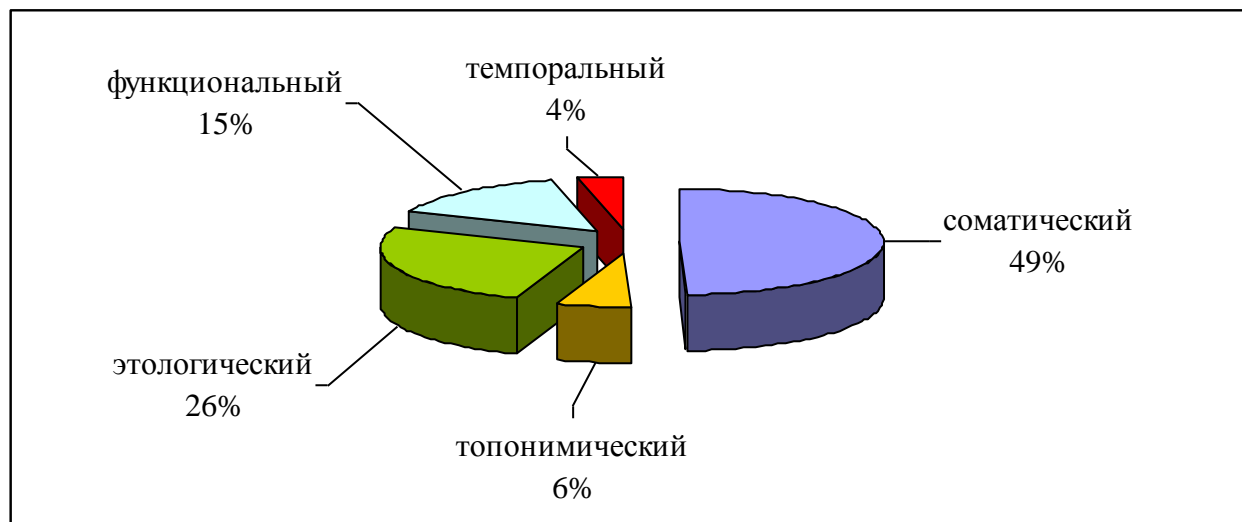

Рисунок 2 – Количественное распределение флоронимов при анализе прямой мотивации названий растений и грибов

2. Топонимический тип мотивации обнаруживает 10 флоронимов (6%). Очевидно, что место произрастания представлялось субъектам номинации значительно менее важным признаком растения по сравнению с другими.

3. На основе этологического типа мотивации образованы 44 флоронима (26%). Особенности произрастания и специфическое воздействие на органы чувств воспринимались представителями этнокультуры как наиболее актуальный из всех признаков растений.

4. На основе функциональной мотивации образовано 26 флоронимов (15%), что показывает в целом меньшую значимость функционального признака в номинации растений, по сравнению с такими этологическими признаками, как особенности произрастания и специфическое воздействие на органы чувств. Присутствие функциональных номинаций в названиях растений и грибов объясняется особой ролью растений в пищевом рационе, в тибетской и народной медицине, в практической деятельности человека.

5. Сравнительно небольшое количество растений (6 флоронимов, 4%) имеет темпоральный признак «время цветения или появления растений», который воспринимался как наименее актуальный из всех признаков растений. Анализ всех типов мотивации показывает обусловленную связь языка с действительностью, специфичными закономерностями мышления и другими психическими процессами.

В ходе проведенного исследования, применяя метафорическое концептуальное моделирование [Резанова 2012], мы рассмотрели формирование значений флоронимов. Для построения концептуальных структур используется термин *концептуальная сфера*, основной единицей которой является *концепт* - оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания [Кубрякова 1996]. В целом, *концепт* представляет собой «те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, отражающие содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания [Болдырев 2001]. Концептуальная сфера актуализируется в метафорических связях через более или менее широкий спектр конкретных признаков – когнитивных контекстов.

Выявляемые нами когнитивные контексты в структуре матрицы РАСТЕНИЕ представляют следующие концептуальные сферы: ЧЕЛОВЕК, ЖИВОТНОЕ, АРТЕФАКТ, АБСТРАКТНОЕ ЯВЛЕНИЕ. Ядром является концепт, соотносимый с растением, а компонентами – когнитивные концептуальные сферы.

Выделенные модели когнитивных контекстов семантического поля РАСТЕНИЕ участвуют в метафорическом моделировании с разной степенью активности.

Доминирующее положение в качестве сферы-источника метафорической характеристики занимают животные, на втором месте – абстрактное явление, на третьем – артефакты, на четвертом – человек (Рис. 3).

Наиболее распространенными когнитивными контекстами в данных концептах являются РАЗМЕР, ФОРМА, СВОЙСТВО, характеризующие общность когнитивных процессов большинства людей, передающие через зрительные образы. Когнитивное познание окружающего мира является значимым при оценке свойств растений, имеющих функционально-целевое назначение, которое превалирует над остальными признаками, что свидетельствует об особом тонком восприятии и умении номинаторов передавать информацию через ассоциации и образы о мире растений.

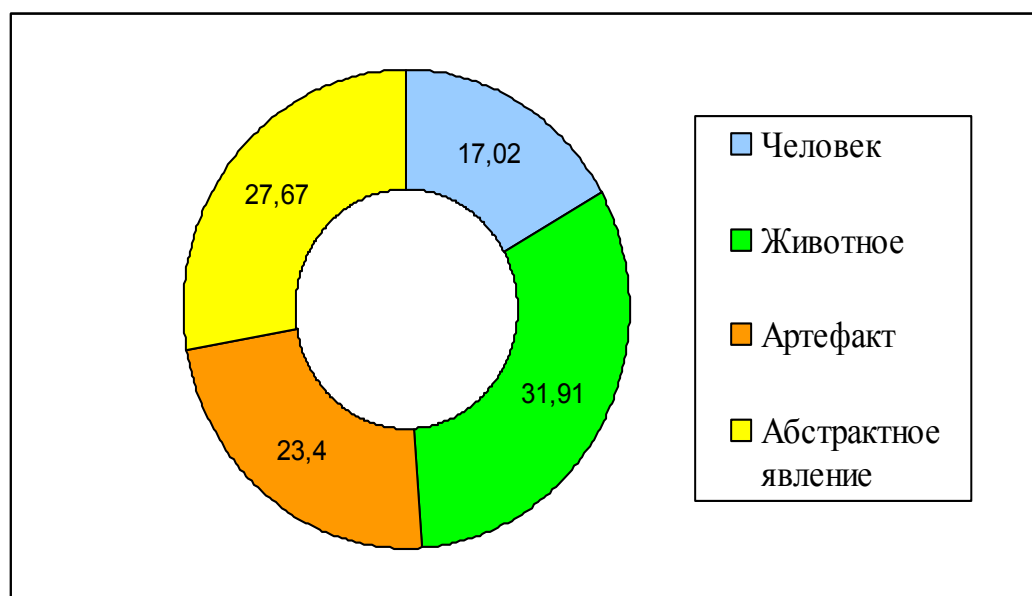

Рисунок 3 – Концептуальные сферы в %.

Переходную зону составляют СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС, СРЕДА ОБИТАНИЯ, ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ. Периферию данного денотативного поля занимают СТРОЕНИЕ, АНТРОПОНИМ, ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЕДИНИЦА, ОЦЕНКА.

При номинации по модели ЖИВОТНОЕ – РАСТЕНИЕ номинатор прежде всего отождествляет растение с образами животных, наиболее близких ему, играющих большую роль в его кочевой жизни, что находит отражение в национальных особенностях восприятия действительности. Из указанных когнитивных контекстов почти все являются универсальными, а

три следует признать национально-специфичными в бурятской лингвокультуре. Это – СТАТУС, РАЗМЕР, ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ.

На основе связи между смежными денотатами выделяются количественная (синекдоха) и качественная метонимия, включающая пространственный, причинно-следственный, атрибутивный типы.

При рассмотрении метонимической модели в рамках общего концепта РАСТЕНИЕ мы опирались на классификацию метонимических моделей Н. В. Руновой [2006], по которым образуются переносные значения флоронимических единиц. Метонимическая модель «часть-целое» включает указание функции части по отношению к целому, согласно которой часть может представлять целое, а модель «целое-часть», наоборот. Она репрезентируется в языке и дискурсе лексическими единицами со следующими опорными компонентами: *сэсэг, эдээн, модон, үрэнэн, үбһэн, бургааһан* и проявляется тогда, когда употребляется биоморфное название вместо родового. Например: *сэсэг* биоморфное название цветка: *алтан зула сэсэг* 'тюльпан', букв. 'золотая свеча цветок'.

В рамках общей когнитивной модели «средство ЦЕЛОЕ – цель ЧАСТЬ» наиболее продуктивными являются модели:

РАСТЕНИЕ – ПЛОД (*груша, шасаргана* 'облепиха', *вишни, мойһон* 'черемуха'),

РАСТЕНИЕ – ЦВЕТОК (*улаалзай* 'лилия', *могойн хэлэн* 'медуница'),

РАСТЕНИЕ – СЕМЕНА (*укрон, анис, лен*),

РАСТЕНИЕ – ВЕТВИ (*хонин бургааһан* 'верба'),

РАСТЕНИЕ – ДРЕВЕСИНА (*хуша* 'кедр', *дүүб* 'дуб', *нарһан* 'сосна').

Среди типов качественной метонимии встречается пространственная метонимия, которая обнаруживается в конкретных и абстрактных существительных и не является продуктивной. Например, модель: РАСТЕНИЕ – МЕСТО (*намартай ой* 'орешник' и 'место, поросшее орешником', букв. 'орешниковый лес') и наоборот, МЕСТО – РАСТЕНИЕ или лес, растущий на этом месте (*уһа, намаг соо ургадаг ургамал*, букв.

‘растение, растущее в воде, в болоте’ и *хулхан, хулһа ожорһон*, букв. ‘тростник’).

Интересны метонимические переносы по модели КАЧЕСТВО – НОСИТЕЛЬ: *аржагар шара шэнишэ* ‘чистейшая пшеница’, букв. ‘четко выделяющаяся желтая пшеница, качественная пшеница’; *Кавказай шара зандан* ‘Кавказский желтый самшит’ (ценное декоративное растение).

Причинно-следственная (каузальная) метонимия представлена моделью РАСТЕНИЕ – ПРОДУКТ, например: *шэхэр* ‘солодка уральская’ и ‘сахар’; *арса* ‘можжевельник обыкновенный’ и ‘бурятский национальный напиток’.

Атрибутивные метонимические переносы известны по модели: ОБЪЕКТ – СОБЫТИЕ, например: *алтаргана, алтан харгана* ‘кустарник’ и *Алтаргана* ‘фестиваль, праздник’.

Анализ фактического материала позволил определить, что переносные значения названий растений, возникающие в процессе концептуальной деривации, осуществляемой по метонимическим моделям, осмысливаются строго в рамках области РАСТЕНИЕ. Метонимический перенос представляет устойчивый механизм образования и формирования переносных значений флоронимов.

Метафтонимические модели, описанные в процессе исследования, представлены достаточно продуктивными моделями: ПЛОД – ЦВЕТ; ПЛОД – ЗАПАХ; ПЛОД – ВКУС.

2.3. Влияние различных языков на развитие флоронимической лексики. Выявлен большой по объему пласт заимствований в словарном составе бурятского языка. Названия растений и грибов отражают контакты языков различных народов. Древнейшие заимствования относятся к довольно длительному периоду общности тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Заимствования из русского языка представляют собой довольно большой пласт лексики, обусловленный социально-историческими процессами. Проникновение тибетских, санскритских, персидских

заимствований связано с развитием буддизма, торговли, тибетской медицины. В целом, доля заимствований невелика, проникая в лексический состав бурятского языка, они представляют определенный словообразовательный потенциал.

2.4. Словообразовательные структуры флоронимов. Все названия растений и грибов по наличию или отсутствию словообразовательного форманта делятся на простые (непроизводные), производные и сложные (составные) наименования, среди которых большую часть (347 названий 54% от общего количества зафиксированных лексем) составляют сложные слова. Простых названий немного меньше 293 (46% от общего количества).

К простым непроизводным словам относятся слова автохтонного происхождения, имеющие соответствия в монгольском языке, напр.: *жодоо*, монг. *жодоо* 'пихта'; *замаг*, *замархан*, монг. *замаг*, *замг* 'водоросль'; *модон*, монг. *мод(он)* 'дерево'; слова, заимствованные из русского языка: *акаци* 'акация'; *бамбук* 'бамбук'; *липэ* 'липа'.

Для анализа наименований мы используем понятие модель, под которой понимаем «структурную схему производных слов с указанием аффиксов и категориальной характеристики производящей основы» [Янко-Триницкая 1963:55].

Названия растений и грибов в бурятском языке образуются морфологическим, лексико-грамматическим и синтаксическим способами.

В **морфологическом** способе образования рассматриваемые модели производных названий растений и грибов образуются как от глагольных, так и от именных основ путем присоединения к ним различных словообразовательных суффиксов.

Модель: **основа глагола + суффикс**. Название образовано от глагольной основы + суффиксы - *уур*, - *үүр*, обозначающей орудие совершения действия: *насхуур* 'колокольчик (цветок)' – которое уподобляется курительной трубке, ср., например: *насхуулха* 'попыхивать (трубкой)'.

Модель: **основа глагола + суффикс + имя существительное.**
Названия образованы от глагольной основы + суффиксы - **уул**, - **үүл** и имени существительного, обозначающие:

1. Способ воздействия: *хадхуул үбhэн* бох. 'перекати-поле', букв. 'колючая трава' произошло от слова *хадхаха* 'колоть'. От этого слова образовано *хадхуур үүргэнэ* 'колючий терн'.
2. Результат действия: *хамхуул*, *хамхуул үрмэдэhэн* 'перекати-поле' от *хамхалха* 'отламывать'.

Название образовано от глагольной основы + суффикс - **за** и имени существительного, обозначающей результат действия: *сахилза* (*үбhэн*), *ирис* 'ирис' от *сахилзаха* 'блестеть, сиять; перен. расцветать, процветать'.

Модель: **основа прилагательного + суффикс.** Название растения с основой прилагательного и непродуктивными суффиксами – **уухай**, – **хай** обозначает качество, полученное в результате действия: *мондоруухай* 'картофель' от прилагательного *мондор* / *мондогор* 'круглый'.

Модель: **основа прилагательного + суффикс + (или) имя существительное.** От основы имени прилагательного + суффикса - **нга** и имени существительного образуется название растения со значением отличия или обладания тем, что выражено производящей основой: *аранга төмс* зап. 'сарана, степная лилия', букв. 'выделяющийся клубень (т.е. головка длинного стебля лилии-сараны)'.

По данной модели при помощи суффикса - **гай** образуется *арбагай ногоон* 'перекати-поле' от *арбагай* 'лохматый'.

В этой же структуре является продуктивным суффикс - **та**, обозначающий:

1. Отличающийся или обладающий чем-либо: *инагта* 'кипрей, иван-чай' от *инаг* 'любимый, любезный'.
2. Имеющий или содержащий что-либо: *башигта сэсэг* 'гвоздика'; *каучугта ургамал* 'каучуконос'.

3. Действие, применимое к местности, где растет растение: *харганаата газар* 'местность, поросшая караганой' образовано от слова *харгана* 'кустарник', 'карагана'.

Модель: **имя существительное + основа глагола + суффикс**. По такой модели при помощи суффикса - г происходит имя существительное со значением: 1) орудие или предмет, при помощи которого совершается действие: *үхэр будаг* цонг. 'змееголовник' от *будаг* 'краска' (от *буда-* 'красить').

Модель: **от разных основ + суффикс**. Имена существительные, образованные от разных основ посредством суффикса - гана, - гоно, обозначают:

1. Название того, что обозначено производящей основой: *абдаргана* 'лилия даурская' от перен. *абдар* 'кубышка'; *долоогоно* 'боярышник'.
2. Длительно-прерывистое (прерывисто-кратное) действие: *агшаргана* 'черемича черная' от *агшаха* 'сокращаться, стягиваться'; *носоргоно* 'репейник' от *носохо* 'хватать, накидываться, беспокоить'.
3. Признак того, что обозначено производящей основой: *бударгана* обл. 'поташник, жерняк' от *бударуу* 'сыпучий, морозящий'; *улаагана* 'кислица' от *улаан* 'красный'; *харгана*, *харганаа(н)* 'карагана'; *харагана* 'кислица' от *хара* 'черный' [Дондуков 1964:20].

По такой же модели образуются названия, выраженные совместным падежом при помощи суффиксов - тай, - тэй, обозначающие:

1. Содержание или обладание тем, что выражено производящей основой: *нарһата(й)* 'сосновый, богатый соснами' от *нарһан* 'сосна'; *үрмэхэтэй* 'поросший полынью' от *үрмэдэхэ(н)* 'полынь, общее название сорняков'.
2. Наличие способности вызывать чувство обоняния: *сайн үнгэтэй розо* 'чайная роза', букв. 'приятно пахнущая роза'.

При помощи суффиксов - лзай, - аахай, - лдай, - лжо образуются имена существительные, являющиеся названиями по действию, характерному для данного лица или предмета. К основам *амтан* 'вкус', *боро*

‘серый’, *улаан* ‘красный’, *хала-* ‘обжигаться’, *шара* ‘желтый’ посредством прибавления суффиксов выделяются следующие наименования: *амтаахай* ‘триостренник болотный’; *боролжо* ‘кустарник, кусты, береза кустарниковая’; *улаалзай* ‘распустившаяся сарана, лилия узколистная’; *шаралдай* ‘желтая полынь, осот’. Суффиксы - лзай и - лдай приносят в значение ласкательности, умиленности.

По модели от разных основ + суффиксы - гар, - гэр образуются наименования: *гандигар* ‘бузина’ от *гандиixa* ‘выглядеть грузно нависшим, вислым’; *сурагар* ‘багульник болотный’ от *сурагар* ‘тощий’; *нэмбэгэр* ‘цветок сараны с опавшими лепестками’ от *нэмбэгэр* ‘пушистый’.

Модель: от разных основ + суффикс + имя существительное

Слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом - хан выражают понятия малого размера или объема и обозначают единичные предметы. Суффикс - хан присоединяется как к непроизводным, так и к производным именам существительным, именам прилагательным, например: *бадмахан сэсэг* ‘купальница сибирская, жарки’, уменьш. от *бадма (сэсэг)* ‘лотос’.

По данной модели при помощи суффиксов - тай образуются названия растений, обозначающие: содержание или обладание тем, что выражено производящей основой: *хадхалаатай үбһэн* киж. ‘шиповник’ от *хадхалаан* ‘колючка’.

Лексико-грамматический способ в бурятском языке представляет собой переход слов разных частей речи, преимущественно прилагательных и причастий прошедшего времени и однократных причастий, в существительные.

Многие непроизводные слова, образующиеся от основ, обозначают:

а) процесс действия: *алирха(н)* ‘брусника’ зап. ‘молодая зелень, выступающая после косябы’ от *алирха* зап. ‘покрываться сочной зеленью’;

б) предмет действия, результат: *бүйлөөһэнэй намар* ‘абрикос (плод)’ от слова *бүйлөөһэн* ‘абрикос дикий’.

в) Некоторые простые наименования могут использоваться в составе сложных наименований, напр.: *ногоо(н)* 'зелень, трава' (в составе сложного наименования *шара ногоон* 'сурепица желтая').

Синтаксический способ образования названий растений и грибов представлен двусоставными и многосоставными флоронимами.

Субстантивными сочетаниями слов называют структуры с общей моделью: определяемое слово (части речи) + имя существительное [Шагдаров 2013:21]. В зависимости от того, какой компонент используется в качестве определяемого слова, образуются следующие модели: «существительное + существительное» (С + С), «существительное в Родительном падеже + существительное» (Срод.п. + С), «прилагательное + существительное» (П + С), «прилагательное в Родительном падеже + существительное» (Прод.п. + С), «числительное + существительное» (Ч + С).

Синтаксический способ образования названий растений и грибов представлен двусоставными и многосоставными флоронимами.

Двусоставные субстантивные флоронимы с зависимым компонентом

Модель (С + С). Большая часть наименований растений и грибов, представляющих данную структуру, образована основным (определяемым) именем существительным и именем существительным в именительном падеже в качестве зависимого (определяющего) члена. Наименования названий растений и грибов двучленны, причем связь слов в таких словосочетаниях выражается без морфологического показателя: *алирһа жэмэс* 'брусника', букв. 'брусника ягода'; *алтан зула* 'тюльпан', букв. 'золото свеча'; *арбай таряан* 'ячмень', букв. 'ячмень рожь'; *уһан үрмэдэһэн* 'лебеда', букв. 'вода полынь'.

Наименования с переносным значением образованы способом подчинительного словосложения. В подчинительных композитах первый компонент является наименованием домашних или диких животных и их

частей тела, а также конкретным признаком, свойством предмета, которые служат своеобразными классифицирующими видовыми индикаторами:

үхэр арса 'багульник болотный', букв. 'бык можжевельник'; *үхэр тарьян* 'ячмень', букв. 'бык рожь'; *үхэр шабга* 'название сладкого плода, редко чернослив', букв. 'бык сухофрукт'.

Также первым компонентом может быть сходство по внешнему виду и форме частей тела: *гүзээн үбһэн* 'зопник клубненосный', 'подорожник', букв. 'брюшина трава';

предметов быта: *зула сэсэг* 'лилия желтая (краснодев)', букв. 'свеча цветок'; *тобшо үрмэдэһэн* 'полынь горькая', букв. 'пуговица полынь';

человека: *лама тархи* 'репейник', букв. 'лама голова'; *хүн үбһэн* 'женьшень', букв. 'человек трава'.

Модель (**Срод.п. + С**). Генитив является «основной формой выражения синтаксических отношений между именами» в монгольских языках [Тодаева 1951:166]. Зависимое слово в названиях растений и грибов при этом обозначает:

1) лицо, часть тела, которому принадлежит предмет: *нохойн хоншоор* 'шиповник игольчатый', букв. 'собаки морда', *нохойн хэлэн* 'медуница', букв. 'собаки язык'.

2) время года: *намарай эшмээн* 'озимый ячмень', букв. 'осени ячмень'; *майн сэсэг* 'ландыш', букв. 'мая цветок'.

3) место расположения: *газарай бэдьхэ* 'картофель', букв. 'земли желвак'; *газарай улаагана* 'костяника', букв. 'земли кислица'; *газарай хүлээргэнэ* 'моховка', букв. 'земли черная смородина' (зап.-бур.).

В следующих названиях в роли основного компонента выступает детерминант: *боохолдойн бургааһан* 'волчья ягода', букв. 'домового куст'; *бүйлөөһэнэй намар* 'абрикос', букв. 'абрикоса орех'; *бүйлөөһэнэй эшэ* 'миндаль', букв. 'миндаля куст'.

В некоторых двухкомпонентных наименованиях детерминант отсутствует, напр.: *булганай эдээн* 'черника', букв. 'соболя еда'; *тэнгэриин дүлии* 'дождевик (гриб)', букв. 'неба глухота'.

Модель (II + C). Этот тип субстантивных словосочетаний высокопродуктивен по причине адъективности прилагательного. Большинство наименований данной группы включает в свой состав детерминант.

Определительный компонент качественных прилагательных чаще всего содержит:

а) цветовую характеристику объекта номинации, напр.: *хүхэ мөөгэ* 'синие грибы (общее название ядовитых грибов)', букв. 'синий гриб';

б) тактильные свойства: *арбагай ногоон* 'перекати-поле', букв. 'лохматая трава'; *халуун үбхэн* 'перец, мята, крапива', букв. 'горячая трава';

в) вкусовые свойства: *нилуун үрмэдэһэн* 'полынь', букв. 'пресный, приторный сорняк';

г) форма, размер: *галбагай хяаг* 'волосенец ложнопырейный', букв. 'пырей плоский'; *пирамидальна уляангир* 'тополь пирамидальный';

д) качество: *муухай нархяаг* 'поганка', букв. 'грязный, поганный гриб'; *шэнэ яабалха* 'картофель молодой, красный картофель, помидоры', букв. 'новый картофель'.

Детерминант отсутствует в таких названиях, как, например: *шара дэрэ* 'шалфей', букв. 'желтая подушка'.

Некоторые названия образованы на основе метонимии (перенос наименования части на целое), напр.: *сагаан орооһон* 'рис', букв. 'белое зерно'; *улаан тарьяан* 'пшеница', букв. 'красное зерно'.

Модель (Прод.п. + C). По этой модели образуются наименования, обозначающие место, где произрастает растение: *алтайн һонгино* 'лук алтайский'; *дауриин бүтүүли* 'овсяница даурская'; *хитад будаа* 'гаолян', букв. 'китайское просо'.

Модель (Ч + С). В основном в роли определяемого слова употребляются количественные числительные, например: *ганса нарһан* 'одинокая сосна', букв. 'одна сосна'; *гурбан халаата* 'трилистник', букв. 'три жилки'; *таба халаата* 'подорожник', букв. 'пять жилок'.

Сложные наименования многочисленны. Они образуются путем словосложения и их компоненты находятся в подчинительной связи. В роли основного (определяемого) компонента выступает существительное, в качестве определяющего могут быть числительное, существительное, прилагательное, причастие. В сложных наименованиях указывается класс объекта номинации (детерминант) (растение) или его морфологическую часть (корень, стебель и т.д.). Также в сложных наименованиях присутствует переносное значение. В роли определяемого компонента выступают такие слова: *модон* 'дерево'; *эшэ* 'куст'; *бургааһан* 'прут'; *сэсэг* 'цветок'; *шэлбэ* 'стебель'; *убһэн* 'трава'; *жэмэс* 'ягода'; *ногоон* 'трава'; *үрмэдэһэн* 'полынь'; *мөөгэ* 'гриб'.

Встречаются наименования растений, представляющие собой именное сочетание, оформленное при помощи числительного *хоёр* 'два, вдвоём' в функции обобщающего слова: *эгэшэ дүү хоёр* 'мать-и-мачеха', букв. 'старшая сестра младшая сестра'.

Вторую группу сложных наименований составляют названия, состоящие из трех и более компонентов. Они представлены моделями с компонентами: «существительное + прилагательное + существительное» (далее: С + П + С); «прилагательное + существительное с композитой» (далее: П + С_{comp}).

Модель (С + П + С). Эта модель включает наименования: *азарга сагаан хуһан* 'могучая белая береза', букв. 'жеребец белая береза'; *буха улаан шэнэһэн* 'могучая лиственница', букв. 'бык красная лиственница'; *шүдэр хусы убһэн* 'вика приятная, дикий горох', букв. 'путы острая трава'.

Модель (С + С_{comp}). Под композитой понимается структурно-сложные образования прямой или косвенной номинации, состоящие из двух или более

корневых морфем, например: *хүхэ балжан гарма* 'ромашка синяя', букв. 'синяя сладкая (казах.) звезда (тиб.)' и соответственно, *сагаан балжан гарма* 'ромашка белая', букв. 'белая сладкая звезда'. В данном случае, мы имеем дело с уточняющими композитами, где первый компонент *балжан* обладает лишь частичной вторичной мотивацией при отсутствии семантической модификации.

В этой группе можно выделить две подгруппы: 1) наименования, определительный компонент которых представляет собой сложное слово; 2) наименования, основной компонент которых является сложным словом. Основной компонент в обеих подгруппах выражен детерминантом.

Определительный компонент – сложное слово

а) определительный компонент в номинативе, напр.: *агар зандан модон* 'алоз', букв. 'алоз дерево';

Основной компонент – сложное слово

а) определительный компонент в генитиве, напр.: *орын хаг үбһэн* 'ягель', букв. 'олений лишайник'.

Очень часто встречаются описательные наименования, возникшие из-за отсутствия конкретных названий в бурятском или в родственных языках. Многие терминологические и нетерминологические названия в монгольских языках образованы путем калькирования или описания основных дифференциальных признаков предмета, напр.: *улаан гашуун жэмэстэй эшэ* 'калина', букв. 'с красными кислыми ягодами куст'; *хуһан доро ургадаг һархяаг* 'подберезовик', букв. 'растущий под березой гриб'.

Многие простые наименования образовались из сложных сочетаний также путем эллипсиса, напр.: *алтаргана* 'золотарник' образовано от наименований *алтан* 'золотой' и *харгана* 'карагана'.

Из общего количества (347) сложных наименований 272 (или 78%) имеют в качестве основного компонента детерминант.

В большинстве сложных наименований растений определительный компонент стоит в форме номинатива, причем более половины (271 из 347, 78%) всех сложных наименований составляют номинативный тип и 76 наименований (22%) генитивный тип словосложения. В остальных наименованиях в роли атрибутивного компонента выступает основа слова.

В **заключении** обобщаются основные результаты проведенного исследования.

1. Флоронимическая лексика бурятского языка складывалась в течение многих веков и неразрывно связана с традиционными видами деятельности бурят, природными условиями и географическими особенностями ландшафта.
2. Организация системных отношений, объединяющая лексику флоры, характеризуется иерархическим построением и парадигматическими (родовидовыми и др.) связями, которые охватывают различные фрагменты системы, проявляющиеся во всех частных группах и подгруппах.
3. Анализ структурно-семантических и деривационных особенностей флоронимической лексики бурятского языка в контексте мотивационных признаков аспектов выявляет универсальные и частные характеристики, взаимоотношение рациональных и когнитивных принципов построения ботанической терминосистемы.
4. В лексико-семантической группе «Наименования растений и грибов» представлен весьма богатый и структурно-организованный слой лексики, включающий такие лексико-семантические подгруппы как «Названия дикорастущих растений и грибов», «Названия культурных растений», которые являются важным и репрезентативным корпусом словарного запаса.
5. Номинативные модели флоронимов представляют одно- и многокомпонентные комплексы, состоящие из основного (определяемого) и определяющего компонента, в зоне опорного слова, выраженного детерминантом.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

В изданиях, рекомендованных ВАК:

1. **Рупышева Л. Э.** Названия культурных (культивируемых) растений в лексике бурятского языка // Научное мнение: научный журнал. – СПб.: Санкт-Петербургский университетский консорциум. – 2013. – №7. – С. 50-54.

2. **Рупышева Л. Э.** Дикорастущие растения в лексике бурятского языка // Мир науки, культуры и образования: научный журнал. – Горно-Алтайск. – 2013. – №2. – С. 222-226.

3. **Рупышева Л. Э., Цыренов Б. Д.** Грамматическая характеристика субстантивных многосложных флоронимов в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 11. – С. 44-48.

В других изданиях:

4. Цыренов Б. Д., **Рупышева Л. Э.** Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных. – Улан-Удэ: Издательство «Бэлиг». – 2005. – 52 с.

5. **Рупышева Л. Э.** Отражение традиционных видов деятельности бурят – охоты, скотоводства и собирательства в биологической терминологии // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания / Материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. – 21–24 июня 2005. – С. 209-211.

6. **Рупышева Л. Э.** Переносное употребление слов в названиях растений и животных как отражение мировоззрения бурят // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – №1 (2). – С. 23-30.

7. **Рупышева Л. Э.** Лексика флоры как объект лингвистического описания // Диалог культур в местных сообществах в условиях трансформации российской государственности / материалы всероссийской научно-практической конференции. К 80-летию образования БГПИ-БГУ / отв. ред. В. П. Прокопьев, Ц. Б. Будаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. – 11-13 сентября 2012. – С. 132-134.

8. Рупышева Л. Э. Дифференциальные слова в бурятском языке // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – №2 (в печати).